

ВОЕННОЕ ДЕЛО

в Азиатско-Тихоокеанском регионе

*с древнейших времен
до середины XX века*

Том 2

ВЛАДИВОСТОК
2012

Дальневосточный федеральный университет
Приморский государственный объединенный музей имени В.К. Арсеньева
Общественная организация «Владивостокский клуб древних технологий»

ВОЕННОЕ ДЕЛО

*в Азиатско-Тихоокеанском регионе
с древнейших времен до середины XX века*

Сборник научных статей

В двух томах
Том 2

Владивосток
Издательский дом
Дальневосточного федерального университета
2012

УДК 904*Кулешов Ю.А., Гусынин В.А.*

Находки шлемов «цзиньского типа» с территории Восточной Европы

Интерес к различным аспектам завоевания монголо-татар в отечественной науке появился еще в начале XIX в. [1, с. V-VIII; 2, с. 5-7]. Но понадобилась еще почти семьдесят лет, чтобы понять, что основополагающим фактором этих завоеваний являлось военное дело захватчиков. Самой ранней попыткой рассмотреть оружие и военное дело монголо-татар, можно считать работу одного из первых российских оружиеевдов, генерала Н.Е. Бранденбурга «О вліянії монгольского владычества на древнее русское вооружение», которая вышла частями в 1871 г. [3, № 1, с. 18-32; № 2, с. 79-93; № 3, с. 42-63; № 4, с. 76-97]. Через четыре года вышла работа другого генерала, одного из выдающихся географов-ориенталистов XIX в., М.И. Иваница «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане» [4]. Эта фундаментальная работа на десятилетия опередила свое время. К сожалению, в наши дни она почти полностью забыта. Следующую попытку рассмотреть оружие и военное дело монголо-татар уже в 40-50 гг. XX в. предпринял немецкий исследователь Бертолльд Шпурлер [5, р.373-386; 6, р. 399-421]. В это же время, 1948-1949 гг., предпринятые Раскопки остатков столицы Монгольской Империи г. Кара-Корума, осуществленные в 1948-1949 гг. С.В. Киселевым дали достаточно скучный оружейный материал [7, с. 188-206]. Однако этого материала вполне хватило А.Ф. Медведеву для выделения наконечников стрел, принесенных монголо-татарами в Восточную Европу [8, с. 50-60], хотя и было недостаточно для полного воссоздания монголо-татарского комплекса вооружения. И лишь спустя 30 лет благодаря стараниям выдающегося отечественного оружиееведа, М.В. Горелика, появились первые представления о внешнем виде монголо-татарских воинов [9, с. 90-101; 10, с. 244-269; 11, с. 163-208]. На базе полученных им выводов в последующие годы были написаны десятки работ. Мы не станем их здесь все перечислять, так как это выходит за рамки нашей работы, отметим лишь, что результаты, полученные М.В. Гореликом, легли в основу, как минимум, трех диссертаций, посвященных военному делу монголо-татар и военному делу государств возникших в результате их экспансий [12; 13; 14].

Между тем, вскоре после выхода работ М.В. Горелика другой видный отечественный исследователь, А.Р. Артемьев, поставил под сомнение полученные М.В. Гореликом результаты. Мотивируя свою позицию тем, что они были получены путем сопоставления иранских, китайских и японских изображений с зачастую не оправданным археологическим материалом [15, с. 284-288; 16, с. 48-52]. Ввиду скучности непосредственно монгольских памятников А.Р. Артемьев предложил иной способ выявления монголо-татарского комплекса вооружения. В частности, им было предложено идти по пути, который ранее

для выявления монголо-татарских наконечников стрел выбрал А.Ф. Медведев [8, с. 50-60]. По мнению исследователя, необходимо более тщательно проанализировать находки оружия, обнаруженные на восточноевропейских городищах, погибших во время монгольского завоевания, а также сопоставить их с материалом, полученным во время раскопок в Приморье [17, с. 87-88; 18, с. 143-152]. Эта работа стала возможна благодаря труду В.Э. Шавкунова, который обобщил и проанализировал находки вооружения с чжурчжэнских городищ Приморья [19]. К сожалению, на момент написания монографии В.Э. Шавкуновым среди приморского материала не были известны находки шлемов [19, с. 78]. Но в последующие годы эта ситуация изменилась, и на сегодняшний день нам известно около десяти боевых наголовий с этой территории [20, с. 161].

Недавно новосибирский исследователь Л.А. Бобров обобщил эти находки, и, сравнив со шлемами с сопредельных территорий, предложил выделить их в отдельную группу, назвав ее «цзиньской» [21, с. 267-287] (рис. 1). Данное название представляется вполне оправданным, так как классический вариант этих шлемов, сложился именно в период господства в Северном Китае чжурчжэнской Цзиньской империи (115-1234). В качестве отличительных признаков этой группы Л.А. Бобров предложил считать следующие конструктивные особенности и элементы оформления: низкий цельнокованый (реже клепанный) полусферический или сфероконический купол, короткое навершие (как правило короткая трубка-втулка) и вертикальный прямоугольный (реже трапециевидный) налобник. Яркой конструктивной чертой классических «цзиньских» шлемов, по мнению Л.А. Боброва, является принцип крепления налобника к шлему. Он крепится к тулье только в верхней части, а нижний край налобника помещается значительно ниже края шлема. По мнению исследователя, такое конструктивное решение позволяло существенно снизить общий вес шлема без потери защитных свойств, так как шею воина защищала ламеллярная или стеганая на вате бармица. Характерной особенностью некоторых «цзиньских» налобников является декоративное оформление в виде нахмуренных бровей, переданных чеканкой [21, с. 271].

Вскоре после обобщения приморских находок Л.А. Бобров опубликовал абсолютно идентичный им шлем из Внутренней Монголии [22, с. 106-115. рис. 1,1]. Исследователь предположил, что шлем был изготовлен цзиньскими мастерами, а в последствии использовался цзиньскими или монгольскими воинами [22, с. 110]. По нашему мнению, тот факт, что у шлема целенаправленно демонтирован широкий венец, скорее, указывает на его вторичное использование. В любом случае данная находка является подтверждение того, что монголы использовали в своем комплексе вооружения шлемы «цзиньского типа».

В двух своих статьях Л.А. Бобров предложил свою версию распространения шлемов «цзиньского типа» по Евразии. По его мнению, в ходе военных действий в Северном Китае монголами были захвачены тысячи унифицированных чжурчжэнских шлемов, которые поступили на вооружение воинов армий Чингизидов. Вместе с ними эти шлемы проникли во многие уголки континента. Со временем, наголовья этого типа настолько сроднились с воинским комплексом монголов, что на завоеванных территориях местные мастера освоили производство шлемов, оформление которых напоминало «цзиньские» прототипы [21, с. 279-281]. Таким образом, Л.А. Бобров выделил «классические» шлемы «цзиньского типа» и их дериваты, изготовленные мастерами завоеванных территорий, как подражание «цзиньским» образцам. Последние могли иметь значительные конструктивные отличия от своих прототипов, но снабжались наиболее яркими оформительскими элементами характерными для «цзиньских» наголовий: прямоугольными налобниками, «бровями», короткими навершиями и др. [21, с. 271, 279-287].

Между тем, в первой своей работе Л.А. Бобров к группе «цзиньских» шлемов отнес

наголовье найденное в 80-гг. XX в. при случайных обстоятельствах в предгорьях Алатау, в округе г. Мерке средневековых источников (современное с. Мерке Меркенского района Жамбылской области Республики Казахстан) (рис. 2). Исследователь предположил, что шлем является монгольским адаптированным вариантом «цзиньского типа» [21, с. 282-283]. Не отвергая в принципе такой интерпретации, отметим что, меркенская находка схожа с приморскими шлемами только формой купола и наличием широкого венца. По некоторым другим параметрам шлем из округи г. Мерке имеет важные отличия от «цзиньской» группы шлемов. Так пущенная мастером по середине обода полоса, которую Л.А. Бобров принял за подражание валикам на ободах «цзиньской группы» наголовий, на самом деле предохраняет от перерубивания шнуры, которые монтировали пластинчатую бармицу. Эти ограничители, разные по форме, но выполняющие одинаковую функцию, встречаются у многих шлемов с пластинчатой бармицей [23, с. 135-143. рис.1-2; 24, с. 168-169. табл. LXII]. К сожалению, исследователь отверг без критики датировку Е.А. Смагулова, который опубликовал меркенскую находку. Последний на основании вполне убедительных, на наш взгляд, морфологических признаков отнес шлем из округи Мерке к X-XII вв. [25, с. 270-273]. В целом, данное наголовье конструктивно очень близко не приморским, а прибалтийским находкам, которых на сегодняшний день известно пять экземпляров [26, Ipp.5-17]. Здесь стоит сделать отступление.

Дело в том, что одну из прибалтийских находок, в частности, шлем, найденный при распашке на могильнике Далькайм, М.В. Горелик отнес к продукту монгольских оружейников [27. с. 233]. Между тем, исследователь не учел мнение прибалтийских коллег (или же не был с ним знаком), которые датируют эту группу шлемов XI-XIII вв. [26. Ipp.14-17; 28, Ipp.35-41;] либо еще уже – XI-XII вв. [29, с. 134-135]. При этом М.В. Горелик перепутал могильник, из которого шлем происходит. Так, у него указано, что шлем обнаружен на могильнике Айссельбиттен (нем. Ajssel'bitten) [27. с. 233], хотя Вольфган фон Ля Баум, первый опубликовавший этот шлем, указал, что он происходит с могильника Далькайм (нем. Dollkeim) [30, р.269-270].

Помимо прибалтийских находок, подобная конструкция наголовий известна в западноевропейском искусстве, в частности на шахматной фигурке XII в., изображающей вооруженного всадника в доспехах, из коллекции Дворца Барджелло (Museo Bargello), г. Флоренция, Италия [31, nr.264], а также на шахматной фигурке XIII в., найденной на шведском острове Эланд (*Öland*), изображающей пешего воина-берсерка, грызущего свой щит [31, nr.250; 32, р.33]. Достаточно часто этот тип шлема на половецких каменных изваяниях XII в. [33, табл.XIII,5; 34, табл.II,2; 35, с. 224, фиг. 4-4а; 36, № 6, № 9, № 13, № 15, № 23, № 134, № 250, 268. № 684, № 900, № 1120, № 1146, 1163; 35, с. 289-292; 38, с. 187. рис.2; 39, с. 114-143. рис.7-9]. В любом случае, как показывают новейшие наблюдения, данный тип шлемов требует дальнейшего исследования [40, р. 13].

По ходу продвижения монгольских завоевателей на территорию Восточной Европы, обнаружены наголовья более похожие на «цзиньский тип» шлемов. Одной из таких находок является шлем, опубликованный М.В. Гореликом в первом номере данного сборника. Исследователь указал, что шлем происходит из погребения в Пятигорье, при этом привел якобы сопутствующие погребенному другие вещи [41, с. 34-36. рис. 4]. Информация М.В. Горелика является, по меньшей мере, недоразумением, так как по полученным нами несколько лет назад сведениям от Р.Р. Рудницкого, который занимается исследованием памятников в этом районе, шлем происходит из несанкционированных раскопок на городище Козы скалы, у горы Бештау. Шлем был найден на валу указанного городища. Наголовье представляет собой низкую цельнокованую полусферическую тулью, к нижнему краю которой крепится венец-основание (рис. 3). Диаметр шлема – 22,5x20,5 см, общая вы-

сота – 21,6 см, высота тульи без навершия – 12 см, максимальная высота венца-основания – 5 см. К венцу под углом 75°, тремя заклепками прикреплен широкий, подтрапециевидной формы козырек-налобник с фигурно оформленным нижним краем. Его длина – 12 см, максимальная ширина – 4 см. По всему периметру козырек обрамлен рантом, сама поверхность козырька орнаментирована чеканкой. По его центру, снизу вверх, проходит тонкий волют, который, по-видимому, обозначает нос. К нему, под углом, с обеих сторон тянутся волнистые линии, напоминающие нахмуренные брови. Венчает тулью навершие высотою 9,6 см, оно свернуто из единого листа, шов расположен к затылку. Нижняя часть навершия состоит из воронковидного основания диаметром 6,4x6 см, которое переходит в высокую коническую трубку. Тремя заклепками навершие монтируется спереди и с обоих боков. С левого бока под заклепку положена подквадратная шайба, что может указывать на следы ремонта. По сведениям Р.Р. Рудницкого, шлем найден вместе с ламеллярной бармицей. Возможно, приведенные М.В. Гореликом пластины, которые были им интерпретированы как часть «брони», являются остатками этой бармицы [41, рис. 4.2].

Городище, по мнению В.А. Кузнецова и Р.Р. Рудницкого, погибло в результате половецкого продвижения вглубь Северного Кавказа в XII в. [42, с. 310]. С последним выводом согласиться трудно, так как наконечники стрел, которые представляют массовый материал на памятнике (найдено более шестисот экземпляров), свидетельствуют в пользу того, что поселение погибло в период монгольской экспансии [42, с. 306, 329-331. рис.17-19].

Внешне и технологически вышеописанная находка очень близка шлемам «цзиньского типа». В первую очередь их объединяет низкий полусферический цельнокованый купол, а также наличие широкого венца. Последнюю особенность Л.А. Бобров не включил в отличительные признаки выделенной им группы, но данный конструктивный элемент характерен для всех приморских находок. Между тем, есть и различия. Во-первых, на шлеме из Козьих скал налобник уже полностью трансформировался в козырек. Но при этом он остался таким же широким, и у него сохранилось оформление в виде прочеканенных нахмуренных бровей. Но здесь в отличие от приморских образцов они уже приобрели форму волнистых линий. Во-вторых, это высокое навершие, которое на приморских находках пока не встречено.

Что касается козырька, то, не так давно, на Шайгинском городище был найден козырек, который достаточно близок козье-скальскому [43, с. 200-203] (рис. 4). Он представляет собой достаточно крупную подтрапециевидную пластину, дуговидную в сечении. Длина козырька – 13,5 см, ширина – 6,2 см, толщина – 1 мм. По центру и ближе к углу, с правой стороны, на козырьке сохранились отверстия. Третье, возможно, располагалось в углу слева, но его разрушила коррозия. По всему периметру козырек окаймлен рантом. По его центру, на всю ширину козырька, от нижнего края до верхнего, проходит прямой тонкий волют. От середины этого волюта, под острым углом, расходятся еще два радиальных. С.Д. Прокопец, который опубликовал эту находку, высказал предположение, что изображение более всего походит на крест [43, с. 200]. Но по нашему мнению, изображение является условной передачей «nahmurenных бровей». Еще одной деталью, которая сближает обе находки, является способ их монтажа. Так, «классические» козырьки фиксируются к тулии посредством отвальцованныго под прямым углом внутреннего края козырька, в нашем случае оба козырька монтировались на отвальзованный край тулии.

Что касается навершия, то оно идентично навершию шлема, который был найден на Алтае, в устье р. Сымылты [44, с. 111-115. рис. 1] (рис. 5). В свою очередь, сымылтынский шлем очень близок наголовью найденному в 2003 г. на Краснояровском городище [45, с. 175-176. рис. 2.1] (рис. 6). Л.А. Бобров не стал включать это наголовье в «цзиньскую

группу» шлемов. Не смотря на то, что данный шлем отличается от остальной серии находок с Краснояровского городища, он на наш взгляд, весьма им близок. Здесь присутствуют основные конструктивные элементы: низкая цельнокованая полусферическая тулия и широкий венец. Отличие же заключается в исполнении налобника (у данного шлема он составляет единое целое с ободом) и в навершии. Последнее хотя и не сохранилось, но под него имеются три монтажных отверстия. То есть с большой долей вероятности можно предположить, что навершие было аналогично навершиям козьескальского и сымылтынского шлемов. Таким образом, у находки из Козьих скал все конструктивные элементы находят аналогии на Дальнем Востоке, что, в свою очередь, позволяет с большой долей вероятности отнести его к продукту цзиньских бронников, тем самым, расширив наши представления о «цзиньской группе» наголовий.

Шлем из Козьих скал без преувеличения стала знаковой находкой. Благодаря ему появилась возможность атрибутировать ряд деталей, которые ранее были найдены отдельно от шлемов. Но так как до этого данный тип наголовий среди находок в Восточной Европе не был известен, авторы затруднялись с идентификацией обнаруженных деталей.

Первой такой находкой является навершие (*рис. 7,1-8,1*), найденное на Золотаревском поселении, расположенном в верховьях р. Сура, на её правом берегу. В XIII в. оно входило в состав Волжской Булгарии и было разрушено монголо-татарами во время похода 1237 г. [46, с. 180-182].

Навершие обнаружено при археологических раскопках в 1977 г. в раскопе №2 второго сектора Золотаревского городища (руководитель работ М.Р. Полесских), непосредственно под слоем дерна в песке [47, с. 28]. По конструкции навершие из Золотаревки абсолютно аналогично навершию на шлеме из Козьих скал. Единственное отличие состоит в том, что на золотаревском экземпляре при переходе воронковидного основания в трубку выгравированы два ободка. Высота навершия – 11,5 см, диаметр воронковидного основания – 7 см, диаметр трубы – 1x1,5 см.

Первым опубликовавший навершие И.Л. Измайлов отнес его к комплексу вооружения булгарских воинов. Исследователь предположил, что оно крепилось к трехчастевому шлему. В целом И.Л. Измайлов датировал находку X-XIII вв. [48, с. 121. *рис. 75,12*]. Несколько годами позже Г.Н. Белорыбкин в монографии посвященной Золотаревскому поселению, высказал мнение, что навершие аналогично навершиям древнерусских шлемов, но при этом датировку И.Л. Измайлова оспаривать не стал [46, с. 135. *рис.82,5*].

Между тем, как мы видим, навершие ничем не отличается от навершия шлема из Козьих скал, поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что оно относится к шлему такого же типа.

Второй находкой является козырек (*рис. 7,2-8,2*), который случайно найден на 1-м Золотаревском селище с восточной стороны крепости. Козырек представляет собой крупную подтрапециевидную пластину с фигурно оформленным нижнем краем, изогнутую в двух плоскостях. Края козырька отвалицованны в противоположную сторону от изгиба. Общая длина козырька – 11 см, ширина – 7,7 см, толщина – 2,5 мм. По верхнему краю козырька сохранились две заклепки, которыми он крепился к шлему, и отверстие под третью, несохранившуюся.

Козырек в поле зрения исследователей ранее не попадал. Между тем, мы видим, что он достаточно близок козырьку шлема из Козьих скал и отдельно найденному козырьку с Краснояровского городища. Все три козырька схожи и по способу фиксации, на отвализованный край тулии. Очень близкий по форме и устройству козырек присутствует на шлеме, найденном в Республике Кыргызстан на высокогорном плато Ак-Кель [49, с. 104-105].

рис. 4-6] (рис. 9). Его длина – 10 см, ширина – 5,5 см. По нашему мнению, сам шлем является дериватом «цзиньской группы» наголовий, на что указывают его конструктивные особенности: цельнокованая низкая полусферическая тулья, широкий венец, и массивный козырек, который здесь трансформировался из налобника. Ранее одним из авторов уже было высказано предположение, что эта находка была изготовлена пленным европейским мастером по дальневосточным образцам [50]. Таким образом, мы видим, что козырек с Золотаревского поселения, по всем параметрам достаточно близок козырькам шлемов «цзиньского типа». В свою очередь, это практически исключает его принадлежность к какому-то другому типу шлемов, кроме «цзиньского».

На основании вышесказанного обе золотаревские находки наряду с наконечниками стрел [51, с. 136] и «пальмами» [46, с. 145; 52, с. 414], которые находят полные аналогии на Дальнем Востоке, следует считать принадлежностью монголо-татарских воинов, разрушивших поселение.

Помимо двух находок с Золотаревского городища, авторы располагают сведениями еще о двух деталях шлемов. Это два навершия, которые обнаружены в ходе несанкционированных раскопок. Первое навершие найдено браконьерами в 2000-2001 гг., на городище Выжегша, Юрьево-Польский р-он Владимирской обл (рис. 10). Экземпляр абсолютно аналогичен навершиям шлема из Козьих скал и золотаревскому. Отличается навершие тем, что на трубке, чуть ниже верхнего края, с правой стороны от шва, пропилено небольшое круглое отверстие. Высота навершия – 10,5 см, диаметр воронковидного основания – 5,7x5,9 см, диаметр трубки – 1,7 см. Толщина воронковидного основания – 1,5-2 мм, толщина трубки – 2,2 мм. Навершие покрыто толстым слоем окалины, что указывает на то, что оно побывало в огне пожара.

По мнению А.Е. Леонтьева, который занимался исследованием городища Выжегша, памятник относится к IX – нач. X вв. [53, с. 94-99]. Между тем, раскопками был вскрыт лишь незначительный по площади участок (200 м^2 из 4800 м^2) на северной окраине памятника [54, с. 198]. Находка детали шлема «цзиньского типа» может свидетельствовать в пользу того, что жизнь на городище продолжалась и после X в. В любом случае, только дальнейшее исследование городища сможет пролить свет на сложившуюся ситуацию.

Со вторым навершием (рис. 11) нас любезно ознакомил директор Шиловского краеведческого музея (Рязанская обл.) А.П. Гаврилов. К сожалению, его точное происхождение осталось невыясненным. Высота навершия – 14 см, диаметр воронковидного основания – 5,8x6,2 см. На навершии, как и у золотаревской находки, при переходе воронковидного основания в трубку выгравированы два ободка. С большой долей вероятности можно предполагать, что эти ободки имитировали двусоставную конструкцию наверший. В свою очередь, это сближает золотаревский и шиловский экземпляры с навершиями двух ранних золотоордынских шлемов: из погребения кургана 228 у с. Плоское (в 13 км от г. Тирасполя) и из коллекции Черкасского областного краеведческого музея (Украина). Навершия обоих упомянутых шлемов абсолютно аналогичны по форме вышеописанным, но изготовлены двусоставными: из воронковидного основания и самой трубки-навершия. Более того, в отличие от вышеописанных козьескальского, сымылтынского, золотаревского и выжегского наверший последний экземпляр, как и навершия шлемов из Плоского и коллекции Черкасского музея, крепился не тремя, а четырьмя заклепками. При этом два упомянутых наголовья конструктивно отличаются от цзиньских шлемов, но, как выяснил один из авторов Ю.А. Кулешов, они все же являются их дериватами [50].

Насколько широко у монголов был распространен этот тип наверший, дают представления миниатюры (рис. 12-13) из так называемого «Альбома Дица» (Берлин, Государственная библиотека – Прусское культурное наследие), где практически у всех монголь-

ских воинов на шлемах изображены подобные навершия. По мнению ряда исследователей, эта серия миниатюр стилевыми особенностями ближе всего восходит к миниатюрам двух сохранившихся (в отрывках) датированных рукописей хроники Рашид ад-Дина – Лондонской (1314 г.) и Эдинбургской (1307 г.) [55, р.15-16; 56, р. 27-45]. Главное их отличие в том, что они создавались мастерами сельджукской изобразительной традиции [57, с. 36-37], которые, по-видимому, были современниками последнего большого завоевания Монгольской Империи под руководством чингизида Хулагу. Поэтому данные изображения наиболее точно отображают реалии того времени, что делает их для нас бесценными.

К сожалению, у изображенных на миниатюрах шлемов нет ни налобников, ни козырьков, хотя они внешне и схожи с «цзиньской группой» боевых наголовий. Возможно, их отсутствие вызвано каким-то изобразительным приемом, или другими причинами. Но, по вышеописанным находкам, можно предположить, что именно вариант «цзиньской группы» шлемов с козырьком получил наибольшее распространение в монгольской кочевой среде. Естественно мы понимаем, что две находки, козьескальская и золотаревская, не могут являться репрезентативной выборкой. Однако сообщения современников ранних монгольских завоеваний о сабле, как наступательном клиновом оружии монголов, могут косвенно этому свидетельствовать. Так, один из первых персидских историков, который начал писать о монгольских завоеваниях Ата-Мелик Джувейни периодически отмечает у монголов сабли [59, с. 3-4, 65, 85, 92, 186, 359, 416, 457]. Более того, в отношении монгольских воинов он использует специальный термин «сабельщик» [59, с. 85]. А китайские дипломаты Пэн Да-я и Сюй Тин, посетившие монголов в 1230-х гг., прямо пишут: «Черные татары имеют также изогнутые клинки, сделанные по образцу мусульманских» [58, с. 61]. Дело в том, что при ударе саблей сверху вниз по защищенной шлемом голове лезвие приходится в лицо, а козырек этому препятствует. Собственно по этой причине он и получил повсеместное распространение там, где широко применялся сабельный бой. Надеемся, что последующие археологические исследования позволят подтвердить или опровергнуть наше предположение.

В заключение хотелось бы отметить, что предложенный А.Р. Артемьевым метод выявления монгольского комплекса вооружения, как мы видим, себя полностью оправдывает. И в дальнейшем с учетом того, что в погребениях XII-XIV вв. на территории Монголии оружие практически отсутствует [60], этот метод на наш взгляд, является наиболее перспективным.

Литература

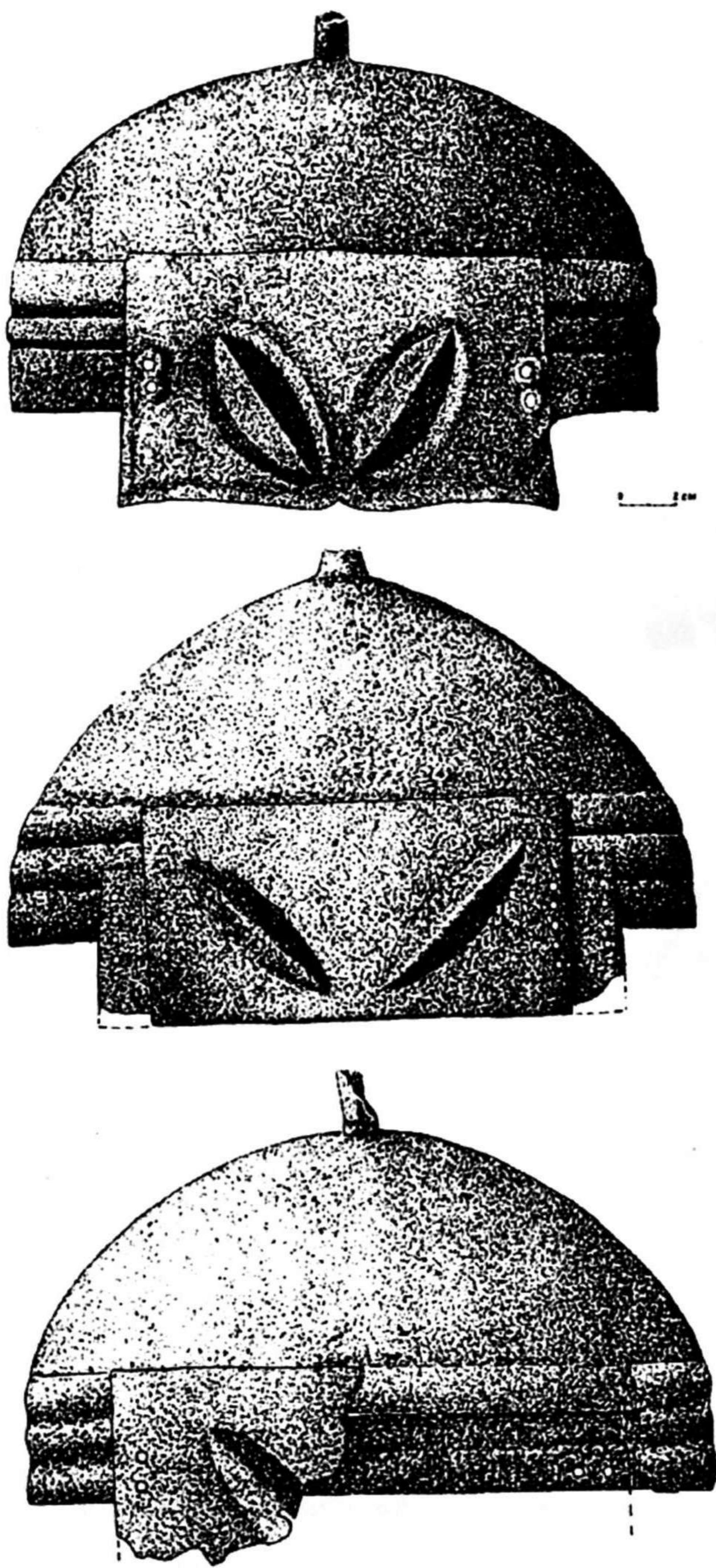
1. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884.
2. Греков В.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
3. Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный Сборникъ. № 1-4. СПб., 1871.
4. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.
5. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rusland 1223-1502. Leipzig, 1943.

6. Spuler B. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955.
7. Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
8. Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. // Советская археология. № 2. М., 1966.
9. Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1978.
10. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
11. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – 1 половина XVI вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.
12. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья): Автoref. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006.
13. Сальников А.В. Эволюция вооружения северокавказского воина XIII-XV веков под влиянием центральноазиатского и европейского военного дела: Автoref. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.
14. Кушкумбаев А.К. История военного дела кочевников Золотой Орды XIII-XV вв: Автoref. дисс. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2010.
15. Артемьев А.Р. Новые работы о татаро-монгольском вооружении // Советская археология. № 4. М., 1989.
16. Артемьев А.Р. Вопросы происхождения защитного вооружения татаро-монголов в литературе 80-х годов // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989.
17. Артемьев А.Р. Вооружение татаро-монгольских воинов в походе на Волжскую Булгарию и Русь в 1236-1241гг. // 100 лет гуннской археологии: Номадизм–прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. Тез. докл. Ч. 1. Улан-Удэ, 1996.
18. Артемьев А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004.
19. Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII-XIII вв. Владивосток, 1993.
20. Прокопец С.Д. Производство и оборот защитного вооружения у чжурчжэней Приморья// Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 9. Вып 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2010.
21. Бобров Л.А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции. // История и культура Улуса Джучи 2006. Бертолльд Шпулер «Золотой Орда»: традиции изучение и современность. Казань, 2007.
22. Бобров Л.А. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып.1. М., 2008.
23. Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.
24. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока: IV тысячелетие – IV в. до н.э. М., 1993.
25. Смагулов Е.А. Средневековый шлем из Мерке // Советская археология. № 1. М., 1989.
26. Asaris J. Couronian helmets. // Humanities and Social Sciences. Latvia. Vol.2. Riga, 2003.
27. Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-

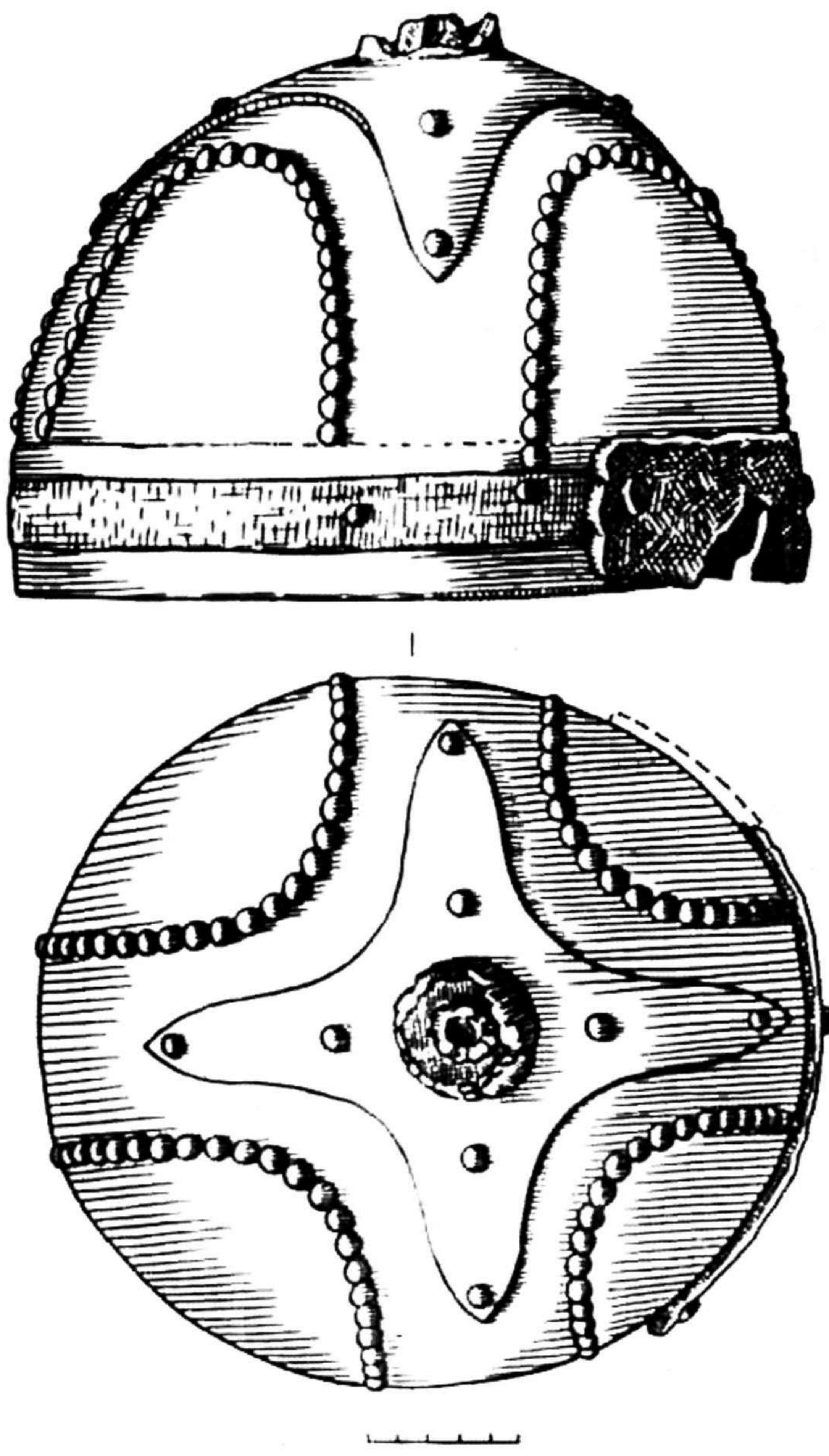
- золотордынское время. Донец, 2003.
28. Atgāzis M. Vairogi, bruņucepures un bruņas Latvijā 10.-13. gadsimtā // Latvijas Vēstures Institūta. Žurnāls. Nr.3. Riga, 2002.
29. Казакевич В. Шлем из Павиците-Гудай // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Київ, 1998.
30. von La Baum W. Frühgeschichtliche Helme aus Ostpreußen// Nachrichtenblats für Deutsche Vorzeit. Jg.15, Ht.11-12. Leipzig, 1939.
31. Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulpturen aus der Romansichen Zeit. XI-XIII. Jahrhundert. Bd. III-IV. Berlin, 1923-1926.
32. Ferm O. Chess and Allegory in the Middle Ages. A collection of essays. Stockholm, 2005.
33. Мазуркевич Н.Н. Каменные бабы // Записки одесского общества истории и древностей. Т.1. Одесса, 1844.
34. Веселовский Н. Статуи воиновъ изъ категоріи "каменныхъ бабъ"// Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т.45. Симферополь, 1911.
35. Шульц П.Н. Каменные изваяния воинов из курганной группы "Чокрак" // Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея Красной армии. Вып. I. Л.-М., 1940.
36. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ. Е4-2. М., 1974.
37. Ждановский А.М. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской // Советская археология. № 1. М., 1977.
38. Кудрявцева Е.Ю. О Северо-западных пределах Половецкой земли. // Археология восточноевропейской степи. Вып.15. Воронеж, 2001.
39. Гугуев Ю.К., Гуркин С.В. Половецкое святилище середины XI – начала XIII вв. на правобережье Дона (опыт исследования семантики культового комплекса) // Донские древности. Вып.1. Азов, 1992.
40. Глушич Е. Шлемы в погребениях европейских кочевников XIII-XIV вв. и их аналогии на изваяниях : проблема разной датировки // Medieval Nomads: Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. Cairo, 2011.
41. Горелик М.В. Монголо-татарские шлемы с маскаронами. // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. 1. Владивосток, 2010.
42. Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение "Козы скалы" у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Ставрополь, 1998.
43. Прокопец С.Д. Новый тип оформления чжурчжэнского шлема // Восьмая дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов. Владивосток, 2004.
44. Соёнов В.И. Шлем из Сымылты // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск, 2004.
45. Прокопец С.Д. Новые находки защитного вооружения из Краснояровского городища // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г.Новосибирск, 3-7 апреля 2007 года). Новосибирск, 2007.
46. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001.
47. Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1977 году, по Открытыму листу № 148 ИА АН СССР, выданному на имя М.Р. Полесских по заявке Пензенского областного краеведческого музея. Пенза, 1977.
48. Измайлова И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начало

XIII в. Казань-Магадан, 1997.

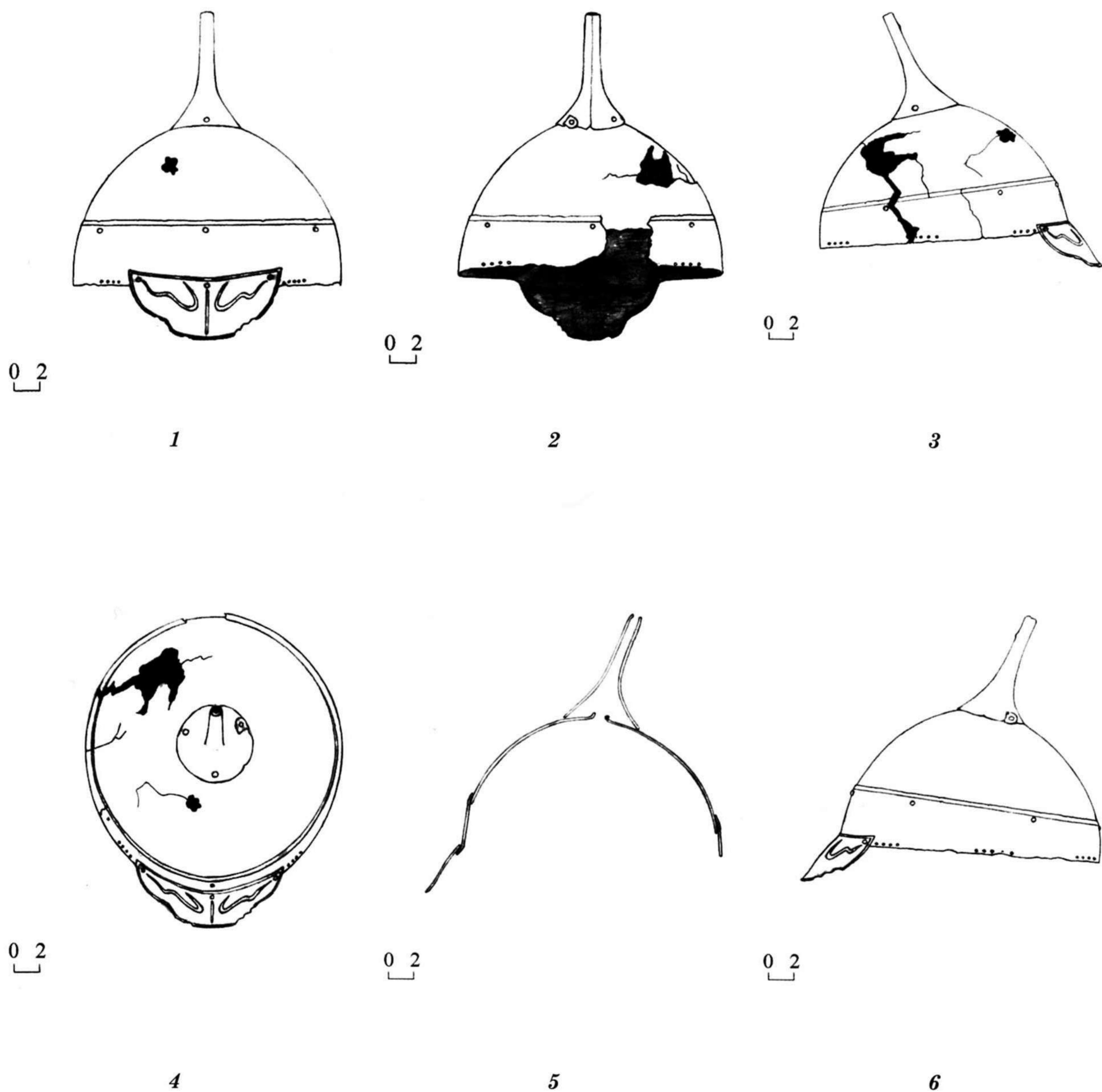
49. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Шлемы, найденные на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (5). Новосибирск, 2001.
50. Кулешов Ю.А. Об одной серии ранних золотоордынских шлемов из музеиных коллекций Украины и Болгарии // Acta Musei Varnaensis – 10: Military Campaigns, Weaponry and Military Equipment (Antiquity and Middle Ages). Варна, 2011 (в печати).
51. Яньков В.В. Наконечники стрел // Золотаревское поселение. СПб, 2001.
52. Белорыбкин Г.Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.
53. Леонтьев А. Е. Городище Выжегаша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси) М., 1988.
54. А.Е. Леонтьев Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
55. Ipşiroğlu M.S. Saray-Alben: Diez'sche Klebebäende aus der Berliner-Sammlungen. Wiesbaden, 1964.
56. Martyniuk A. Die Mongolen im Bild. Orientalische, westeuropäische und russische Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Weltreiches und seiner Nachfolgestaaten im 13.-16. Jahrhundert. Hamburg, 2002.
57. Эфендиев А. Батальный жанр в азербайджанской миниатюрной живописи XIII-XVI веков. Баку, 2009.
58. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. Т.III. Китайские и монгольские источники. М., 2009.
59. Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История Завоевателя Мира. М., 2004.
60. Хоголбоон Лхагасурэн Средневековые погребения монголов (XII-XIV вв.). Диссертация канд. ист. наук. М., 1994. // Архив ИА РАН, № Р-2/2557.

*Рис. 1. Шлемы «цзиньского типа» найденные на Краснояровском городище, Приморье.
(по: Артемьева Н.Г. 1999)*

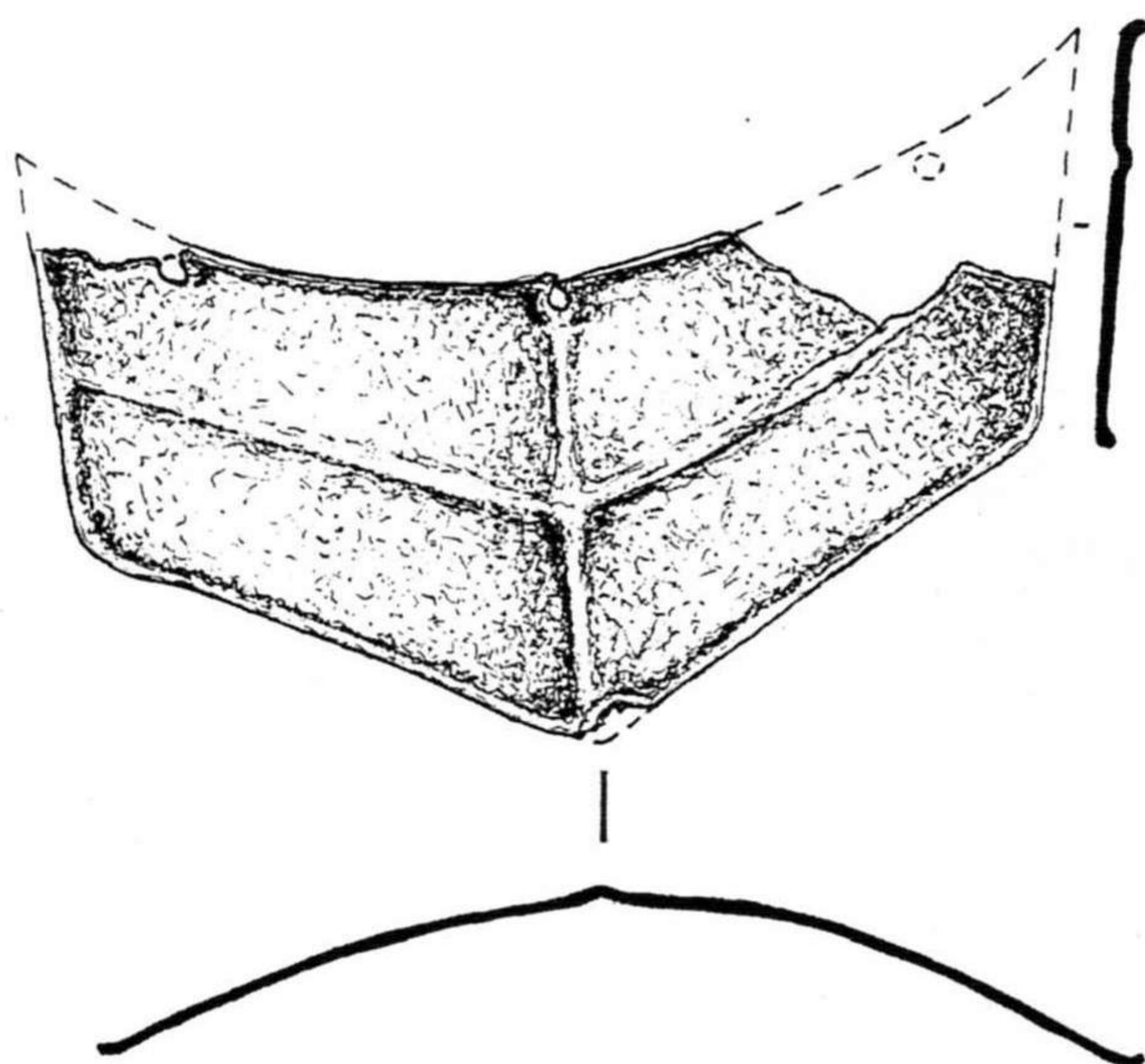

*Рис. 2. Шлем найденный в предгорьях Алатау, в округе с. Мерке Меркенского района Жамбылской области, Республика Казахстан.
(по: Смагулов Е.А. 1989)*

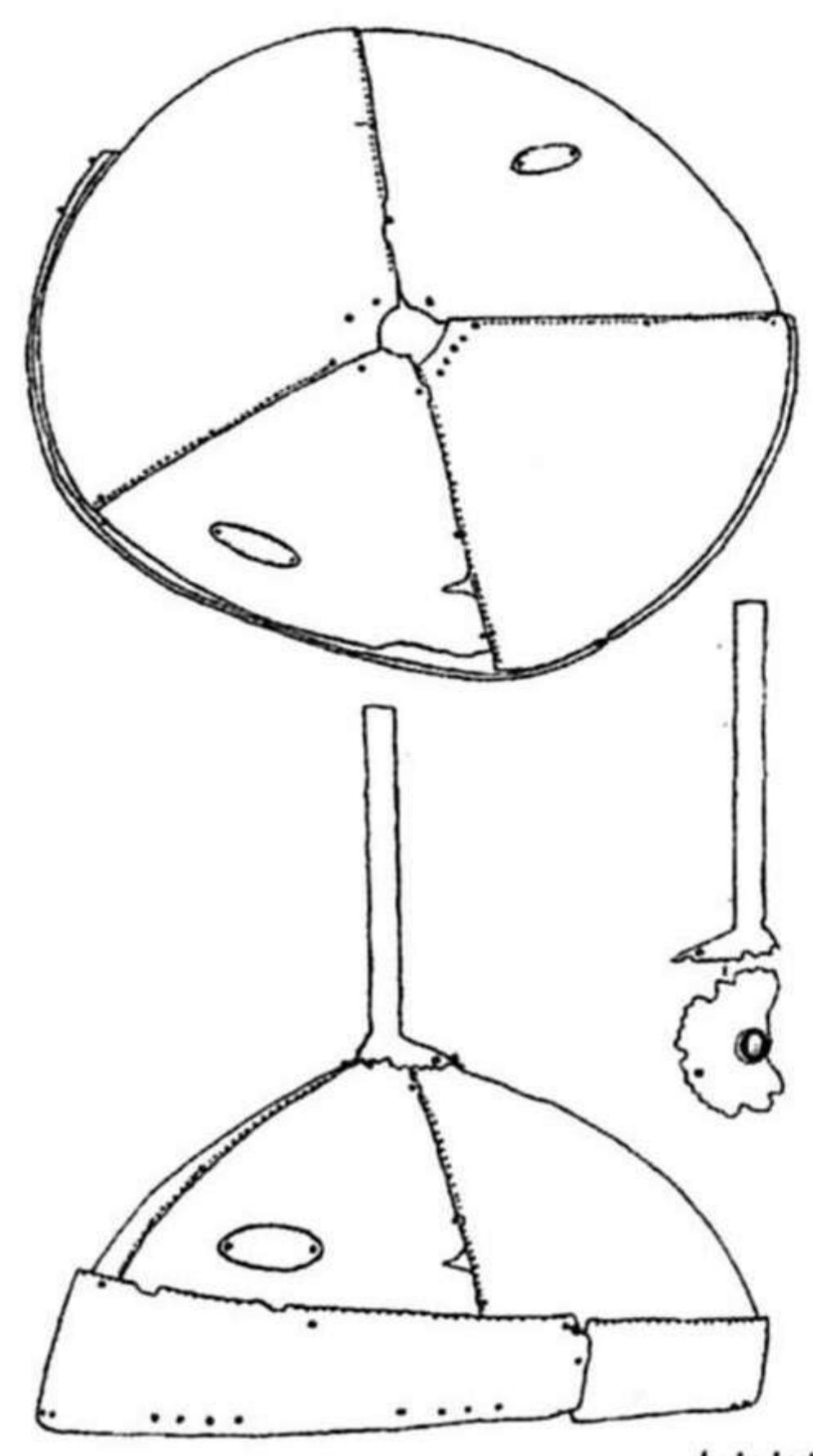

*Рис. 3. Шлем из несанкционированных раскопок на городище Козы скалы,
у горы Бештау, Ставропольский край.*

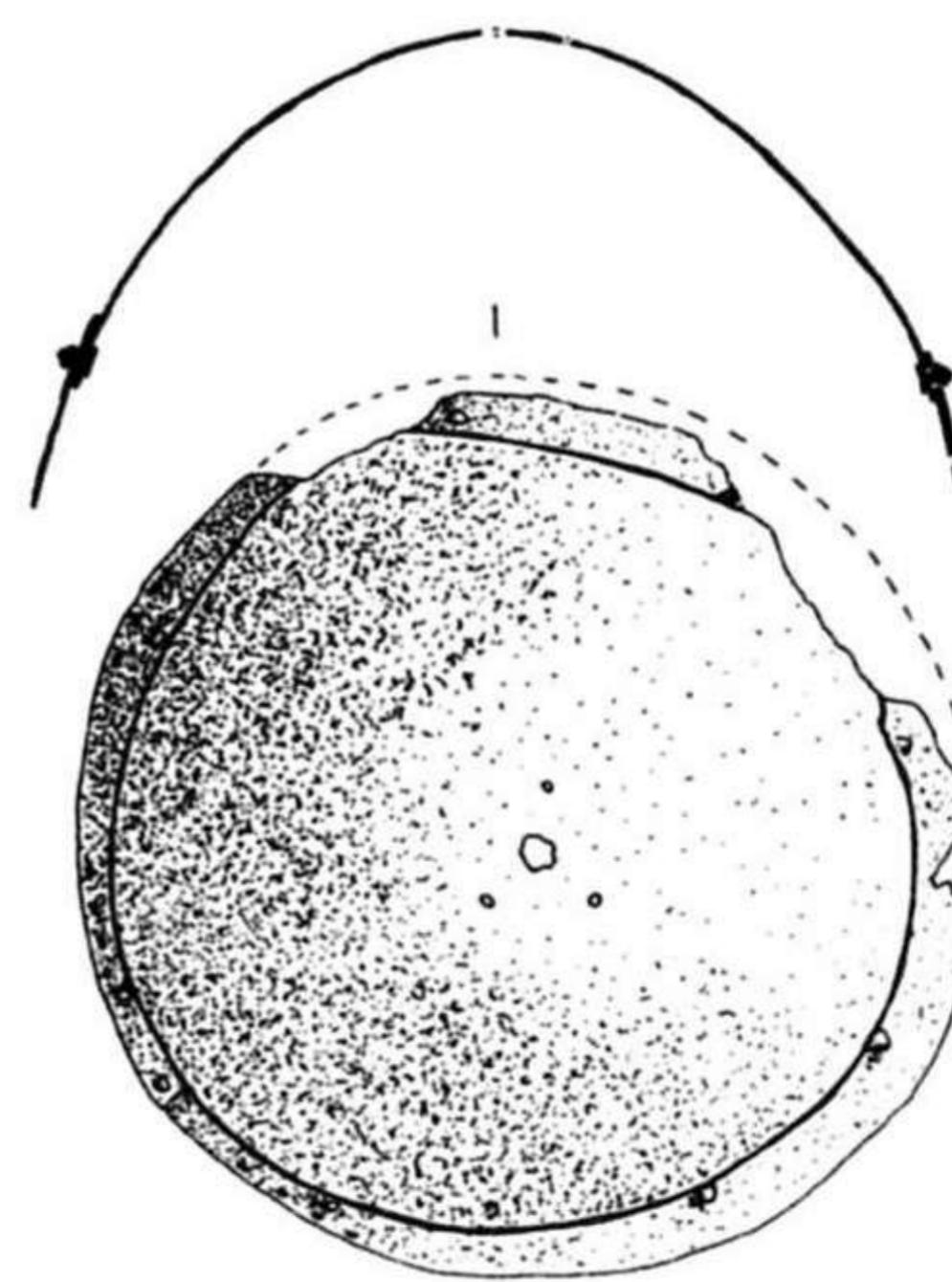
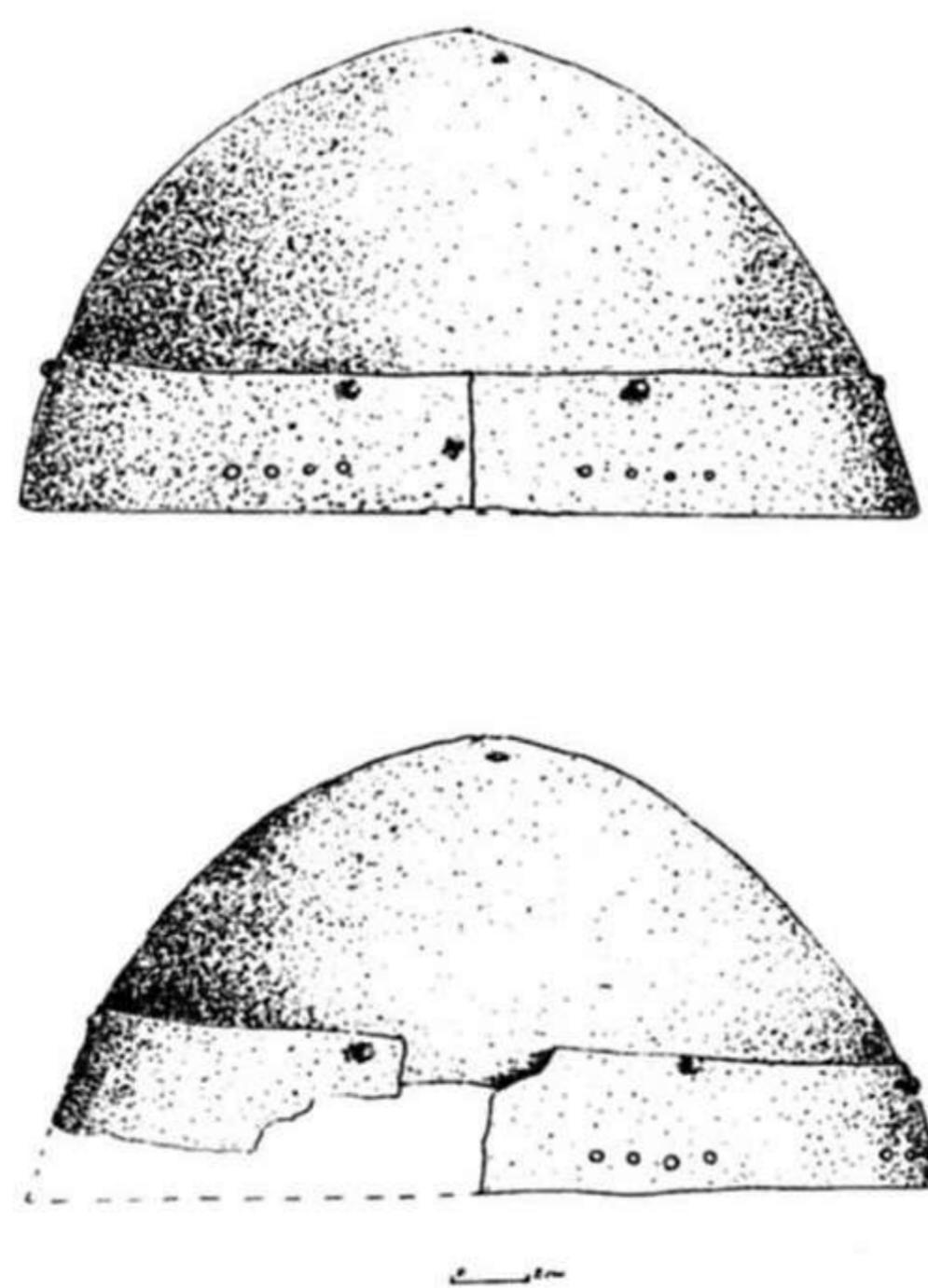
1 – Вид спереди; 2 – Вид сзади; 3 – Вид справа; 4 – Вид слева; 5 – Вид сверху; 6 – Схема сборки

*Рис. 4. Козырек с Шайгинского городища, Приморье.
(по: Прокопец С.Д. 2004)*

*Рис. 5. Шлем найденный
в устье р. Сымылты, Алтай.
(по: Соёнов В.И. 2004)*

*Рис. 6. Шлем найденный на Краснояровском городище в 2003 г., Приморье.
(по: Прокопец С.Д. 2007)*

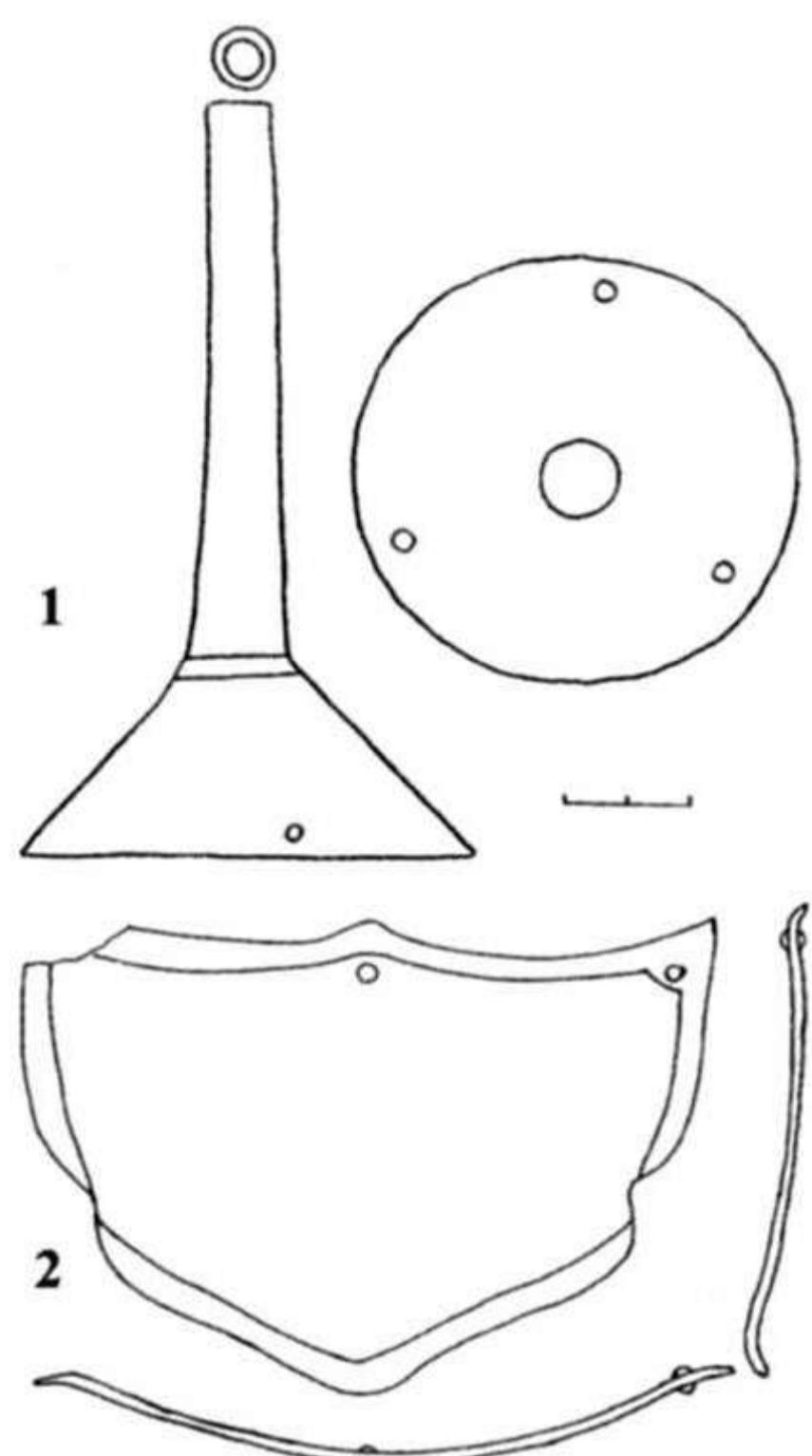

Рис. 7. Детали шлемов «цзиньского типа» с Золотаревского городища, Пензенская обл. (Прорисовка).

1 – Навершие найденное в раскопе №2 второго сектора Золотаревского городища
2 – Козырек найден на 1-м Золотаревском селище с восточной стороны крепости

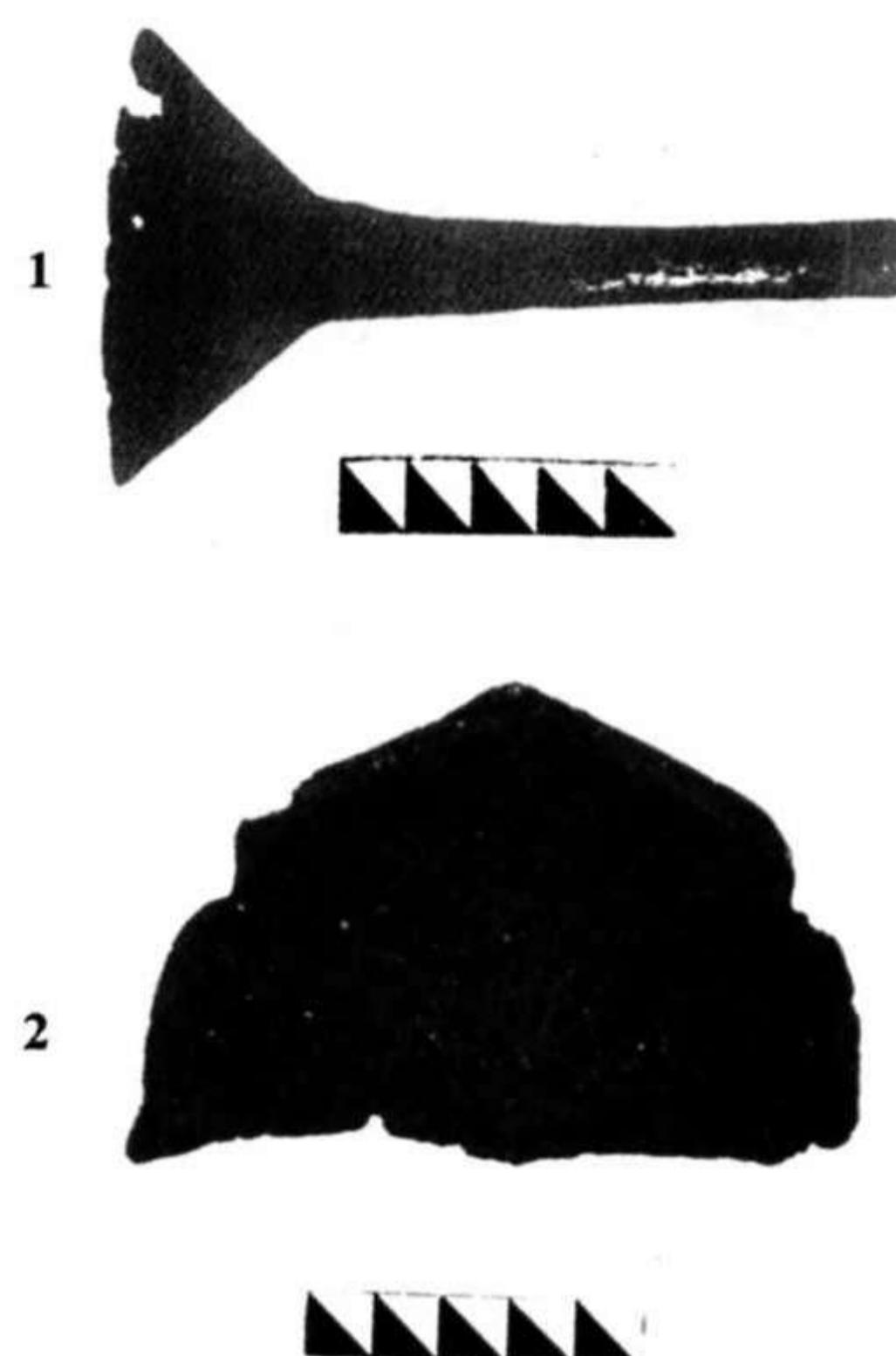

Рис. 8. Детали шлемов «цзиньского типа» с Золотаревского городища, Пензенская обл. (Фото).

1 – Навершие найденное в раскопе №2 второго сектора Золотаревского городища
2 – Козырек найден на 1-м Золотаревском селище с восточной стороны крепости

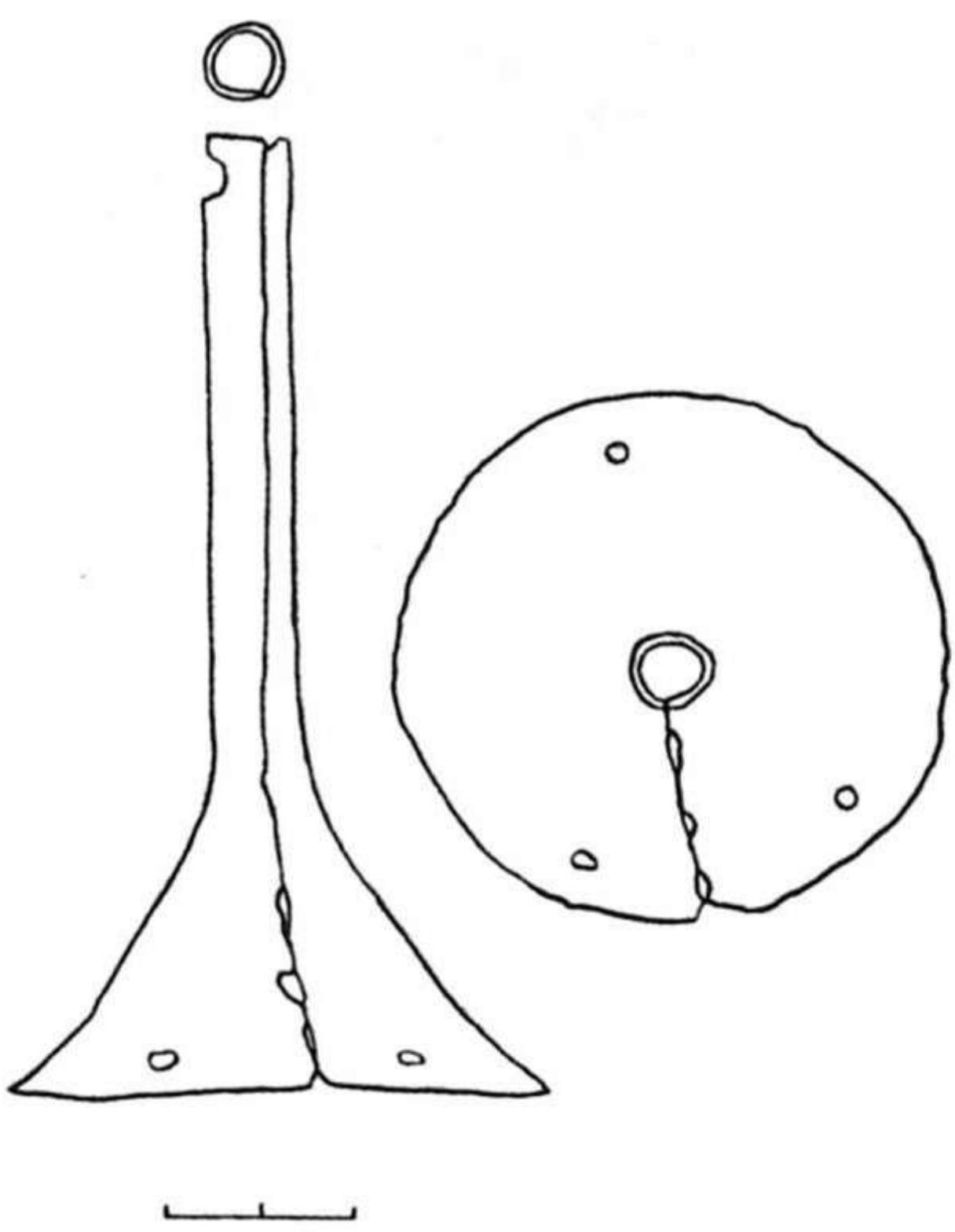

Рис. 10. Навершие найденное в 2000-2001 гг., в ходе несанкционированных раскопок на городище Выжегша, Юрьево-Польский р-он Владимирской обл.

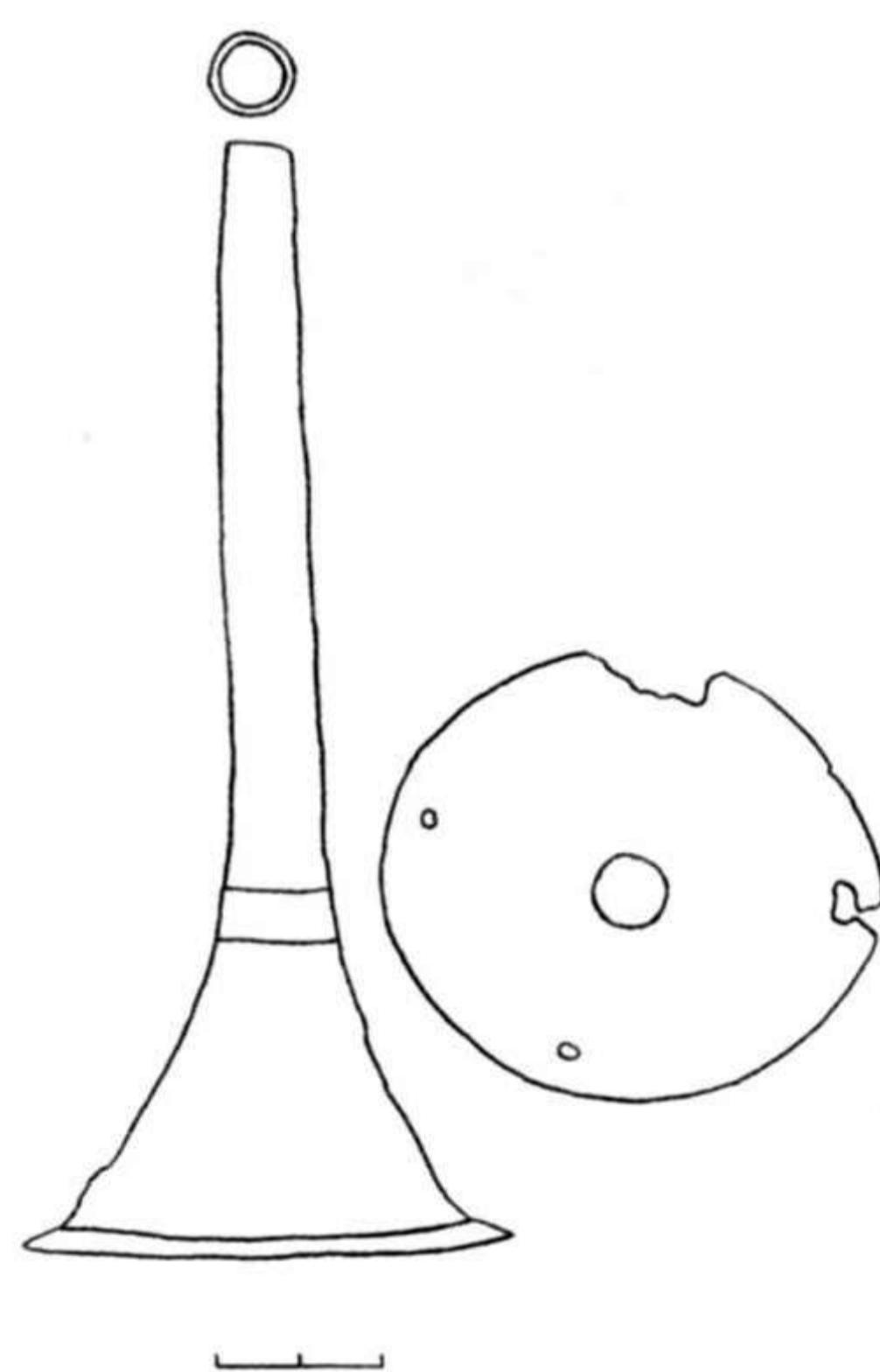
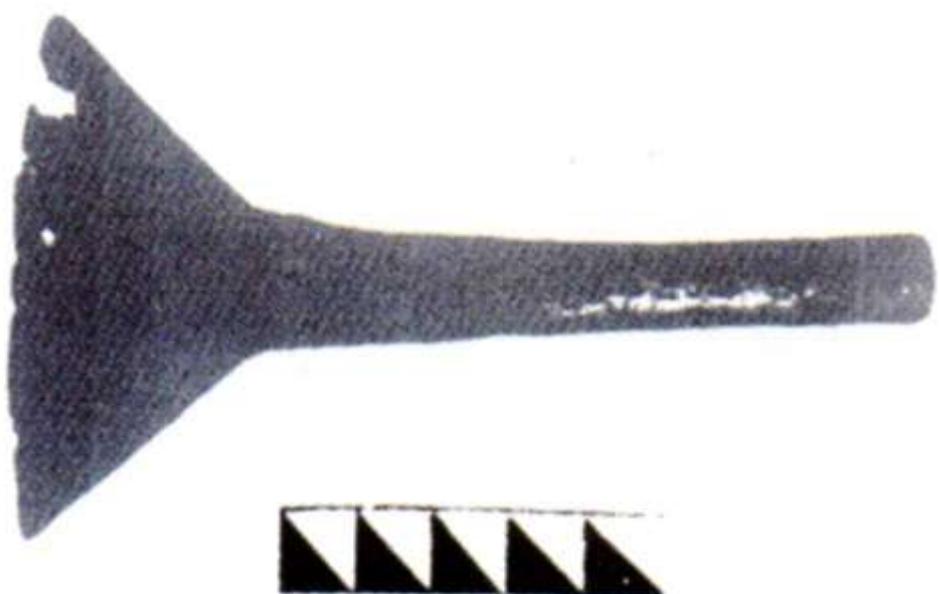

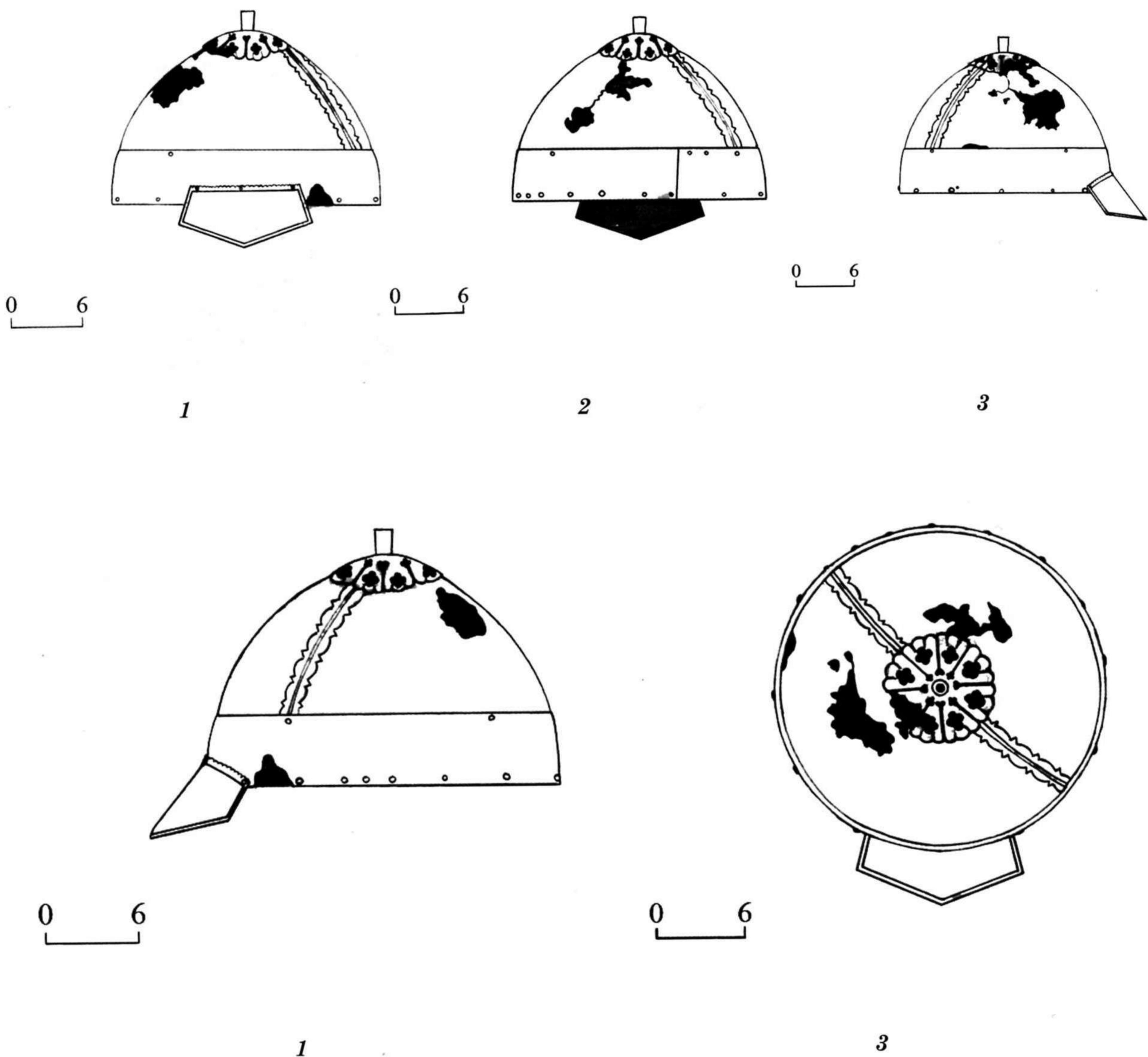
Рис. 11. Навершие, происхождение не известно

1

2

*Рис. 9. Шлем найденный на высокогорном плато Ак-Кель, Республика Кыргызстан.
1 – Вид спереди; 2 – Вид сзади; 3 – Вид справа; 4 – Вид слева; 5 – Вид сверху*

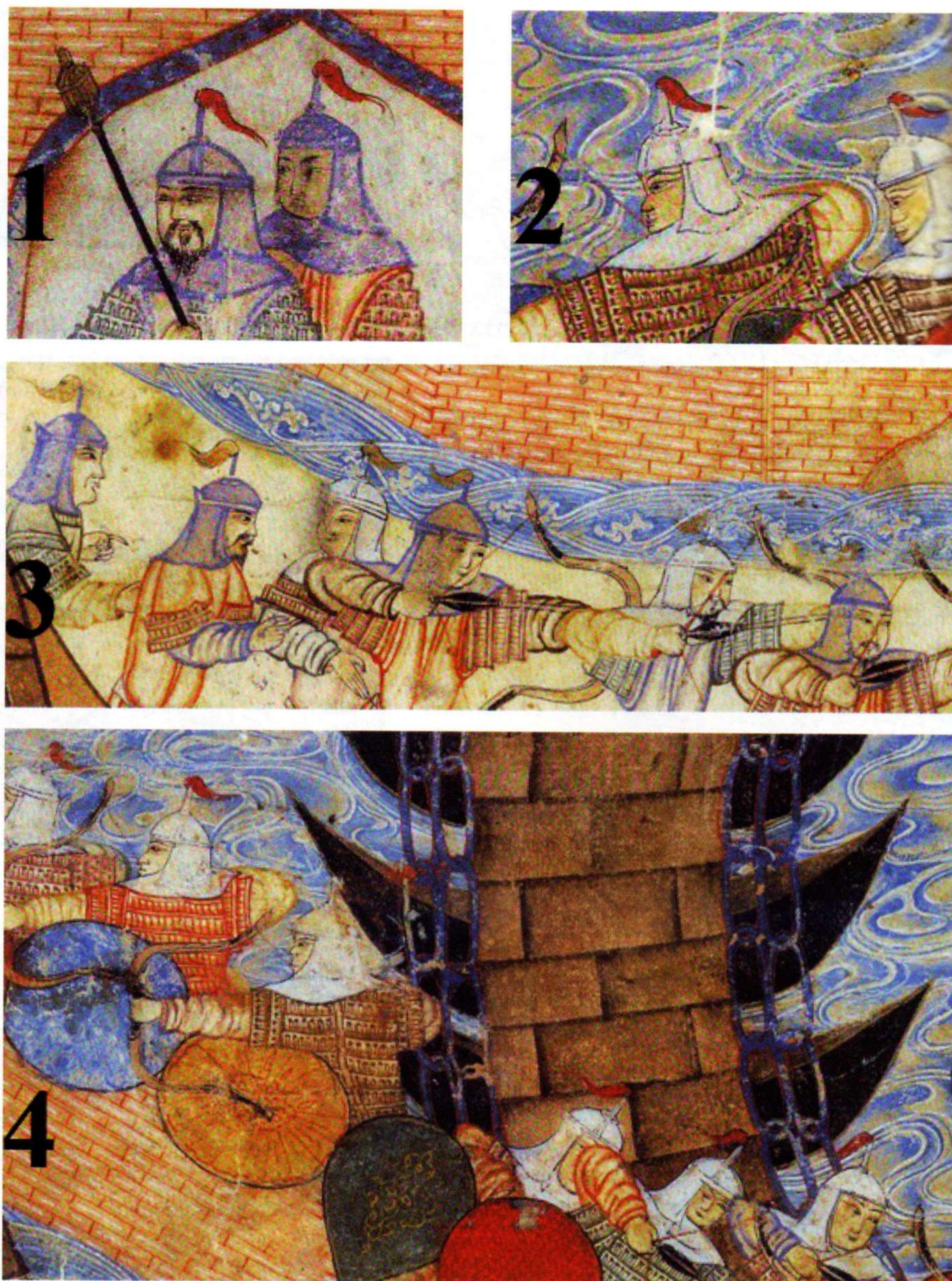

Рис. 7. Фрагменты диптиха «Осада монголами Багдада»,
Иран, нач. XIV вв. «Альбома Дица», Берлин,
Государственная библиотека – Прусское культурное наследие

Рис. 7. Фрагменты миниатюр нач. XIV вв.

*1 – диптих «Осада монголами Багдада», Иран, «Альбома Дица»:
2-4 – Фрагменты батальных сцен, Иран, «Альбома Дица»:*

*5, 6 – Фрагменты с миниатюрами с изображением батальной сцены,
происхождение не известно,*

Берлин, Государственная библиотека – Прусское культурное наследие